

DOI: 10.29141/2218-5003-2025-16-1-5

EDN: KNIVLS

JEL Classification: D12, R22, Z18

Резервы стимулирования конечного потребления населения в регионах Северо-Запада России

Е.Г. Леонидова

Вологодский научный центр Российской академии наук, г. Вологда, РФ

Аннотация. Нарастание собственного производства и увеличение сбыта продукции на внутреннем рынке – ключевые задачи, стоящие перед российскими производителями в условиях западных экономических санкций. В то же время вследствие слабой динамики доходов населения ряд регионов РФ характеризуются низким уровнем потребления. Статья направлена на выявление резервов стимулирования конечного потребления населения на региональном уровне на примере Северо-Западного федерального округа. Методологической базой исследования послужили теории общественного воспроизводства и национального счетоводства. Методы работы – сравнительный анализ и синтез, экономический, статистический и макроструктурный анализ. Информационную базу составили данные Росстата, сведения ЕМИСС, информация, размещенная на официальных сайтах региональных органов власти. Выявлено недопотребление товаров населением ряда субъектов СЗФО, что сказывается на их социально-экономическом положении. Как показали результаты исследования, у северо-западных регионов страны есть потенциал для запуска активных трансформационных процессов, которые позволят улучшить качество экономического роста с помощью повышения уровня потребления населения. Это возможно путем прямого увеличения доходов жителей и перераспределения доходов в экономике, реализации структурной политики, направленной на повышение производительности труда, развития перспективных экономических специализаций, удлинения цепочек создания добавленной стоимости. Предложены перспективные направления наращивания производства продукции, выпускаемой на местных рынках Вологодской, Ленинградской, Мурманской областей и Республики Карелии.

Ключевые слова: конечное потребление населения; потребительский спрос; доходы населения; экономический рост; регион; Северо-Западный федеральный округ (СЗФО).

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01862 «Механизмы структурной трансформации региональной экономики на основе развития умной специализации» (<https://rscf.ru/project/23-28-01862/>).

Информация о статье: поступила 12 сентября 2024 г.; доработана 25 октября 2024 г.; одобрена 14 ноября 2024 г.

Ссылка для цитирования: Леонидова Е.Г. (2025). Резервы стимулирования конечного потребления населения в регионах Северо-Запада России // Управленец. Т. 16, № 1. С. 61–75. DOI: 10.29141/2218-5003-2025-16-1-5. EDN: KNIVLS.

Reserves for stimulating household final consumption in the Northwestern District of Russia

E.G. Leonidova

Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences, Vologda, Russia

Abstract. Expanding production and product sales in the domestic market is the key task facing Russian manufacturers amid Western economic sanctions. At the same time, due to wage stagnation, a number of the RF regions are characterised by low-level consumption. The purpose of the article is to identify reserves for promoting household final consumption at the regional level using the case study of the RF Northwestern Federal District (NWFD). Methodologically, the study rests on social reproduction theory and the concept of national accounts. The research methods include comparative analysis and synthesis, as well as economic, statistical and macrostructural analysis. Empirical data were retrieved from the Federal State Statistics Service (Rosstat), the Unified Interdepartmental Statistical Information System (EMISS) and regional authorities' official websites. An underconsumption trend was revealed in a number of the NWFD regions, adversely affecting the socio-economic situation in them. The northwestern regions of Russia are proved to have a potential to hasten transformation processes aimed at improving the quality of economic growth by boosting household consumption. This is possible through an increase in household income and redistribution of income in the economy, implementation of structural policies focused on enhanced labour productivity, developing promising economic specializations, and extending value chains. The paper discusses prospective avenues for encouraging production of locally manufactured goods in the northwestern regions (the oblasts of Vologda, Leningrad and Murmansk, and the Republic of Karelia).

Keywords: household final consumption; consumer demand; personal income; economic growth; region; Northwestern Federal District (NWFD).

Funding: This research was prepared with the financial support of the Russian Science Foundation, project no. 23-28-01862 "Mechanisms for structural transformation of regional economy based on the development of smart specialization" (<https://rscf.ru/project/23-28-01862/>).

Article info: received September 12, 2024; received in revised form October 25, 2024; accepted November 14, 2024

For citation: Leonidova E.G. (2025). Reserves for stimulating household final consumption in the Northwestern District of Russia. *Upravlenets / The Manager*, vol. 16, no. 1, pp. 61–75. DOI: 10.29141/2218-5003-2025-16-1-5. EDN: KNIVLS.

ВВЕДЕНИЕ

В сложившихся неблагоприятных геополитических условиях, обусловленных действием экономических санкций стран Запада, России крайне важно обеспечить устойчивые темпы развития. В последние годы ключевым фактором экономической динамики было конечное потребление домашних хозяйств, формирующее почти половину ВВП страны (в 2023 г. – 50,1 %). Вследствие ухода с российского рынка многих зарубежных компаний проблематичным стало как наращивание собственного производства качественной продукции, так и ее сбыт на внутреннем рынке за счет роста потребления населения. Расходы на конечное потребление в РФ в 2023 г. выросли на 4,6 % благодаря увеличению расходов домашних хозяйств на 2,8 % по сравнению с прошлым годом в связи с повышением потребительской активности населения.

Однако для некоторых российских регионов характерен низкий уровень потребления, обусловленный слабой динамикой доходов населения. В силу негативного действия указанных выше факторов на конечное потребление домохозяйств актуализируется потребность в его исследовании на региональном уровне.

Анализ работ, посвященных влиянию конечного потребления на экономику [Mishra, Nancharaiyah, 2016; Yeah, 2017; Saglam, Egeli, 2018; Zhongzheng, 2019], позволил заключить, что данный элемент воспроизводственной системы весьма для нее значим. Многие ученые рассматривают опору на внутреннее потребление населения как драйвер экономического роста. Особенно показателен опыт Китая, власти которого еще в 2008 г. озвучили идеи перехода к развитию национального рынка и наращиванию объемов конечного потребления домохозяйств. В новых стратегических документах, определяющих долгосрочное развитие экономики страны в рамках стратегии «двойной циркуляции», указано на необходимость повышения его уровня. В 2022 г. стало ясно, что российская экономика в своем развитии будет опираться на китайский опыт, о чем заявлено в докладе ЦБ о денежно-кредитной политике. В нем отмечается, что успешность реализации этой стратегии напрямую связана с решением важной задачи повышения уровня доходов. Согласно прогнозу социально-экономического развития РФ до 2025 г. в качестве основных драйверов развития внутреннего рынка определяются рынок жилищного строительства и сфера жилищно-коммунального хозяйства, агропромышленный сектор, расходы населения на услуги культуры, спорта и внутреннего туризма. Обзор научных

публикаций свидетельствует о наличии региональных диспропорций в сфере образования и использования доходов населения, определяющих уровень потребления домохозяйств. Это обуславливает необходимость выявить резервы стимулирования конечного потребления населения на региональном уровне, что и стало целью исследования. Поставленная цель потребовала решения следующих задач:

- диагностика уровня конечного потребления домашних хозяйств и их доходов на рассматриваемых территориях;
- выявление структурных ограничений в региональной экономике на стадии конечного использования доходов;
- определение потенциала роста объемов конечного потребления в региональной экономике.

Объектом исследования являются регионы Северо-Западного федерального округа (СЗФО), в состав которого входят 11 субъектов РФ общей площадью территории почти 1,7 млн км² (9,9 % территории РФ), на которой проживают 13,9 млн чел. (9,5 % населения России), из них основная часть (7,3 млн) являются жителями г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Эти два региона образуют второй по величине потребительский рынок России после г. Москвы и Московской области.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ОБЗОР

К проблемам исследования конечного потребления обращались в своих трудах ученые многих направлений и школ экономической теории. Представители классической политической экономии [Smith, 2009] этой тематике уделяли второстепенное внимание, поскольку их основной интерес был сосредоточен на процессах производства, распределения и обмена. К. Маркс рассматривал индивидуальное потребление как форму расширенного воспроизводства рабочей силы, что, соответственно, способствует росту экономики [Marx, 1969]. Впервые особый акцент на роли потребителя сделан в работах маржиналистов [Streissler, 1990]. Ученые считали, что получение максимального наслаждения и наибольшего удовлетворения потребностей является целью обмена и производства для каждого из их участников. Представитель неоклассической политэкономии А. Маршалл [Marshall, 1897, 2013] ввел термин «суверенный потребитель», цель которого – максимизация полезности, что приводит к постоянному увеличению своего потребления. Такой потребитель независим от струк-

туры производства и интересов производителей, вынужденных подчиняться требованиям спроса.

Наиболее разработанной проблематика потребления является в работах Дж. Кейнса [Keynes, 1937], который развил идею А. Маршалла о решающей роли спроса в краткосрочном регулировании цен. В его трудах исследовалась взаимосвязь между доходами, инвестиционным и потребительским спросом. Кроме того, он изучал влияние на потребление неэкономических факторов, таких, например, как психология. Идеи Дж. Кейнса были дополнены его последователями – экономистами неокейнсского направления. Их интересовала значимость потребительского спроса для воспроизводственных процессов [Clark, 1908]. Действие таких факторов, как социальные отношения, привычки и стереотипы поведения потребителей, изучалось в работах институционалистов [Dorfman et al., 1963]. В рамках новой институциональной теории внимание исследователей было сосредоточено на влиянии институциональной среды – правовых норм и общественных соглашений – на формирование потребительских предпочтений [North, 1984, 1991].

Активное обращение к проблематике потребления фиксируется в трудах экономистов в середине XX в. Это связано с переходом от индустриального к постиндустриальному этапу, что привело к перепроизводству товаров и становлению общества массового потребления. Экономическая мысль того времени формировалась вокруг изучения влияния на потребление не только уровня доходов, но и других факторов. Так, Дж. Дюзенберри полагал, что объем трат в значительной мере зависит от положения людей в обществе [Duesenberry, 1949]. Ф. Модильяни – автор теории потребления – считал, что люди предпочитают относительно стабильный уровень потребления, берут займы (или тратят переданные им сбережения) в молодости, откладывают в среднем возрасте, когда доходы высоки, и тратят сбережения на пенсии [Modigliani, 1992]. Это позволило учесть значимость демографического фактора для определения причин, от которых зависит уровень потребительского спроса.

В российской экономической школе интерес к проблеме потребления отмечен с 1960-х гг. Такие ученые, как Ф. Майер [1968], В.М. Рутгайзер [1972], В.Н. Сергеевский [1968] и др., развили идеи взаимосвязи производства и потребления, оптимизации пропорций между ними, а также выявили проблемы распределения национального дохода и реализации общественного продукта. Значимый вклад в понимание проблем потребления внесли такие экономисты, как А.А. Аузан [2015], Т.И. Заславская [2002] и др. Исследователи делали акцент на изучении источников образования доходов домохозяйств и уделяли внимание личному потреблению, генерирующему воспроизводство рабочей силы.

Переход России к рыночной экономике обусловил появление работ, посвященных проблемам потребления, связанным с ее трансформацией [Абалкин, 1994; Гранберг, 1999; Глазьев, 2018].

Таким образом, во многих экономических школах и направлениях потребление рассматривается как следствие производства, а не как его движущая сила. Подобный подход не позволяет в полной мере оценить его роль в формировании роста экономики. Зачастую ученые фокусировались на исследовании предпочтений и поведении отдельных потребителей, упуская из виду макроэкономические эффекты потребительского спроса. Можно заключить, что, несмотря на значительный объем исследований, посвященных изучению потребления, некоторые аспекты этой проблематики остаются не до конца раскрытыми и вызывают дискуссии среди экономистов. Актуальными являются вопросы о его влиянии на макроэкономические воспроизводственные процессы и уточнении роли в поддержании макроэкономического равновесия, о факторах, обуславливающих уровень и структуру потребительского спроса для обеспечения достаточности его объема в экономике, определения инструментов, необходимых для его стимулирования, и т. д.

Высокая турбулентность современной мировой экономики заставляет ученых активно обращаться к этому структурному компоненту. Обобщение научных работ исследователей, занимающихся изучением вклада конечного потребления в экономику, показало, что фокус внимания ученых направлен на определение влияния домашних хозяйств на экономические параметры, что объясняется высоким удельным весом этого компонента в структуре внутреннего спроса. Так, для экономики Румынии рассматривалось влияние объема потребления и инвестиций на этот показатель с использованием дробной производной [Badik, Feckan, 2021]. На примере Албании исследовалась связь экономического роста с величиной конечного потребления, внутренних инвестиций, экспорта на основе данных с 1996 по 2021 г. [Akermi, Ben Yedder, Bakari, 2023]. В Гане объектом научного интереса стала взаимосвязь между реальным потреблением домашних хозяйств и отдельными макроэкономическими переменными [Bonsu, Muzindutsi, 2017]. Анализ показал, что в краткосрочной перспективе на потребление домашних хозяйств влияет только изменение уровня цен, что помогает понять макроэкономическую роль их потребительских расходов в экономике страны. Уровень потребительских расходов во время безработицы изучался на примере домохозяйств США [Ganong, Noel, 2019]. Воздействие пространственного аспекта на уровень конечного потребления рассмотрен в работе китайских ученых [Wei et al., 2022]. Свой вклад в развитие темы потребления внесла Е.А. Рожковская [2012], которая занималась построением моделей ко-

конечного потребления на примере белорусской экономики. Она предложила методический инструментарий прогнозирования влияния конечного потребления на темпы экономического роста, основанный на использовании методов эконометрического моделирования. Он позволяет определить динамику реального ВВП в кратко- и среднесрочной перспективе за счет более высокой степени детализации компонентов конечного потребления (расходов государственных учреждений, некоммерческих организаций, домашних хозяйств с поэлементной разбивкой на платные услуги, продовольственные и непродовольственные товары), а также с учетом его импортной составляющей (импорта потребительских товаров), складывающихся под влиянием мер экономической политики. Российскими исследователями также высказывалась мысль о том, что рост уровня конечного потребления населения способен активизировать воспроизводственные процессы и экономический рост [Лукин, Ускова, 2018]. На региональном уровне вклад домашних хозяйств в экономику рассчитывается с помощью методического подхода к оценке их ресурсообеспеченности [Кремлев, Козлова, 2019]. Это, по мнению авторов, уточнит их значимость для экономики регионов, что весьма важно при разработке стратегических направлений их развития.

Обобщая работы, посвященные изучению вклада домашних хозяйств в формирование конечного потребления населения, следует отметить, что авторы при выявлении направлений его роста акцентируют внимание на учете количественно измеренных доходов, расходов на потребление в целом и сбережений. Таким образом, конечное потребление анализируется с позиции структурного подхода в связке с другими элементами валового внутреннего продукта стран. В своих исследованиях ученые используют методологию системы национальных счетов, связывающей все показатели хозяйственной деятельности. Кроме того, интерес исследователей в основном сосредоточен на изучении влияния конечного потребления на экономику на страновом уровне, в то время как региональный уровень остался практически незатронутым.

Можно отметить, что в последнее время ученых интересуют причины, влияющие на объем показателя. Для индонезийской экономики проведен анализ влияния располагаемого дохода, процентных ставок и образования на расходы домохозяйств [Illahi, Adry, Triani, 2018]. Позднее другими авторами на примере этой же страны с использованием регрессионной модели выявлено, что негативное влияние на объем потребления населения оказывают как инфляция, так и уровень безработицы [Sugiarto, Wibowo, 2020]. Нигерийскими учеными проанализирована значимость инфляции для объема конечного потребления, так как потребительские расходы домохозяйств составляют более 65 % от валового внутреннего продукта Ниге-

рии [Obinna, 2020]. Для экономики Индии исследована взаимосвязь между активами финансового благосостояния и потреблением домохозяйств [Swamy, 2022]. Основной вывод заключается в том, что домохозяйства тесно связаны с финансовыми рынками посредством своих инвестиций в форме страхования, взаимных фондов, депозитов и акций компаний. Следовательно, финансовое благосостояние, создаваемое финансовыми рынками, оказывает существенное влияние на потребительское поведение, что требует проведения политики по обеспечению прозрачности и доступности таких рынков. Это, по мнению ученых, приведет к более глубокой интеграции домашних хозяйств с финансовыми рынками, что, в свою очередь, скажется на увеличении накопления финансовых активов и, следовательно, повышении роли потребления домашних хозяйств в стимулировании экономического роста.

Для российской экономики также изучались факторы, влияющие на уровень потребления домашних хозяйств [Третьякова, Рожкова, 2017]. В рамках исследования авторами построена регрессионная модель, описывающая зависимость уровня конечного потребления от размера доходов населения (зарботной платы и пенсии), уровня использования интернета, индекса потребительских цен (ИПЦ), заболеваемости. На базе моделирования удалось доказать, что рост конечного потребления – результат влияния денежной составляющей, интернета, заболеваемости и ИПЦ. В другой работе [Земскова, Колосков, 2017] на основе инструментария кластерного анализа исследуется связь между структурой конечного потребления и экономическим ростом муниципальных образований. Доказано, что деформация структуры конечного потребления положительно взаимосвязана с низкой инвестиционной активностью, порождающей в свою очередь низкие доходы и нарушение воспроизводственных процессов в экономике. Другие авторы изучали влияние на объем потребления состава домохозяйств [Кузнецов, 2022]. В исследовании показано, что в России меньше всего на душу населения потребляют домохозяйства из двух и трех человек. Согласно проведенным расчетам, самые высокие траты на продовольствие зафиксированы среди пенсионеров, в то время как самые низкие – среди семейных пар с одним ребенком. Известны исследования, посвященные оценке склонности к потреблению в зависимости от уровня дохода населения, проведенные с помощью кластерного анализа на примере субъектов РФ [Боголюбова, Никитин, 2019]. В результате предположение об обратной связи между склонностью к потреблению и уровнем дохода оказалось справедливым не для всех рассматриваемых доходных групп, что, по мнению авторов, требует углубленных исследований с учетом оценки влияния на уровень потребления различных факторов (например, географического положения,

развитости транспортной системы, инвестиционной активности и др.). В работе [Анимица, 2014] на примере субъектов Уральского федерального округа исследуется влияние бюджетных трансфертов на конечное потребление домохозяйств.

Теоретический обзор по рассматриваемой проблематике показал, что исследователи для уточнения взаимосвязи различных переменных с уровнем конечного потребления домохозяйств чаще всего используют регрессионные модели [Gohar et al., 2022]. Значительно реже встречается применение межотраслевого моделирования, что, вероятно, связано с тем, что не во всех странах составляются таблицы «затраты – выпуск». Примером использования метода является работа [Martinez, Camara, 2022], в которой оценивается влияние изменения объема конечного потребления домашних хозяйств на различные сектора испанской экономики.

Говоря о перспективах экономического роста России на основе стимулирования потребления населения, ученые приходят к выводу о том, что диспропорции в сфере распределения доходов ограничивают позитивное влияние этой меры [Широв, Потапенко, 2020]. Исследователи отмечают существенные внутрирегиональные различия по уровню социальной поддержки населения [Куковиков, Устинкин, 2022]. При этом выявленный дисбаланс не сокращает существующая система субсидий потребительских расходов, в частности субсидий на оплату жилищно-коммунальных услуг.

Проведенный анализ показал, что формирование и регулирование конечного потребления имеют в субъектах РФ определенную специфику, что актуализирует исследование его динамики на региональном уровне.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

С позиций теории национального счетоводства конечное потребление включает совокупные расходы домашних хозяйств, государственного сектора и некоммерческих организаций (НКО), которые обслуживают домашние хозяйства без получения прибыли¹. В научных исследованиях можно встретить более широкое определение термина, согласно которому «конечное потребление как экономическая категория представляет собой, с одной стороны, систему экономических отношений между субъектами экономики по поводу обмена, распределения и использования потребительских товаров и услуг, а с другой – процесс непосредственного конечного потребления населением потребительных стоимостей в целях удовлетворения комплекса его экономических (индивидуальных и коллективных) потребностей» [Рожковская, 2012]. Соглас-

но этой трактовке, акцентируются активная роль конечного потребления в процессе воспроизводства и его влияние на социально-экономическую систему. Конечное потребление является заключительной стадией производственного процесса, сводящейся к использованию продукта для удовлетворения определенных потребностей, в связи с чем можно заключить, что анализ его динамики служит индикатором развития экономики, по которому можно оценить ее состояние [Леонидова, 2020].

Логика построения данного исследования опирается на принципы системы национального счетоводства и использование структурного подхода, согласно которому анализируются функциональные связи между отдельными элементами народного хозяйства, определяющие количественные и качественные характеристики его развития на разных этапах производственного процесса. Это позволяет выявить диспропорции в региональной социально-экономической системе.

На первом этапе исследования проведена диагностика объема фактического конечного потребления домашних хозяйств на душу населения на рассматриваемых территориях, уровня и динамики их доходов на основе экономического анализа, основанного на данных официальной статистики. Далее с использованием классических процедур макроэкономического и макроструктурного анализа определены направления для роста объемов потребления населения в региональной экономике, способствующие его активному вовлечению в производственный процесс. В заключение предложены рыночные ниши для выпуска российской продукции на внутреннем рынке.

Достоверность выводов обеспечивалась вышеуказанными методами, применение которых дает возможность устанавливать важные зависимости в функционировании региональной экономики, обнаруживая диспропорции на стадии конечного использования доходов и их причины.

Информационную базу исследования составляют статистические данные Росстата, сведения ЕМИСС, информация, размещенная на официальных сайтах региональных органов власти, материалы периодической печати по теме исследования.

В анализе используются данные за 2021–2023 гг., в течение которых российская экономика испытала на себе последствия крупных кризисов, связанных с пандемией коронавирусной инфекции, усилившимися внешними ограничениями. Приводятся рисунки с динамическими рядами изменения ключевых экономических показателей в 2014–2022 гг. (за начало отсчета взят 2014 г. как точка, в которой зафиксировано наибольшее значение вклада расходов домохозяйств в российскую экономику за данный период).

¹ Общие положения системы национальных счетов. https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/vvp/metod.htm.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Оценить уровень потребления населения можно по объему фактического конечного потребления домашних хозяйств на душу населения. Исходя из методологии расчета Росстата его значение определяется не только покупательной активностью жителей региона, но и количеством жителей, проживающих в нем.

Лидерами по численности населения в Северо-Западном федеральном округе являются г. Санкт-Петербург, Ленинградская, Вологодская и Калининградская области (рис. 1).

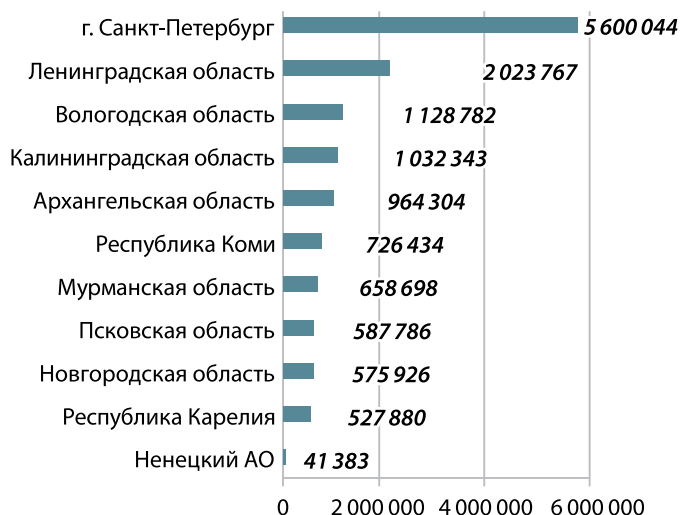

Рис. 1. Среднегодовая численность постоянного населения в СЗФО на 01.01.2023, чел.¹

Fig. 1. Average annual permanent population in the NWFD as of 01.01.2023

В то же время лидерами по объему фактического конечного потребления домашних хозяйств на душу населения в макрорегионе, превышающего среднероссийский уровень, помимо г. Санкт-Петербурга являются Ненецкий АО и Мурманская область – высоко развитые сырьевые экспортно ориентированные регионы (рис. 2).

В остальных субъектах округа показатель ниже общероссийского уровня. Причем в Вологодской, Новгородской и Псковской областях показатель отстает от среднего значения по стране в 1,2 раза. В то же время в этих регионах проживают 16,5 % населения округа (2,3 млн чел.), траты которых на потребление могли быть намного больше, в результате чего складывается определенный потребительский дисбаланс.

Рост уровня потребления домохозяйств напрямую зависит от размера их доходов, которые в округе по итогам 2023 г. были выше, чем в среднем по стране (рис. 3). По данному показателю округ в 2023 г. занимал второе место в РФ после Центрального федерального округа.

Рис. 2. Фактическое конечное потребление домашних хозяйств в СЗФО на душу населения в 2022 г., тыс. р.²

Fig. 2. Actual final consumption of households per capita in the NWFD in 2022, thousand rubles

Рис. 3. Среднемесячные денежные доходы населения СЗФО в 2023 г., тыс. р. на душу населения³

Fig. 3. Average monthly monetary income of the NWFD population in 2023, thousand rubles per capita

Дифференциация в уровне доходов между регионами Северо-Запада объясняется существенными различиями в уровнях оплаты труда работников по видам экономической деятельности, которая является основным источником доходов населения. Высокое значение индикатора отмечено в Ненецком автономном округе (обусловлено нефтегазодобывающим и северным статусом региона), Санкт-Петербурге (одном из центров экономической жизни страны, в котором развиты промышленность, торговля, банковский сектор, IT-отрасль, сфера коммуникации и транспорта), Мурманской области, что связано с действием в ней районных коэффициентов и надбавок к заработной

¹ Рассчитано по данным Росстата.

² Составлено по данным ЕМИСС.

³ Составлено по данным Росстата.

плате из-за особых климатических условий, а также высокой оплатой труда в отраслях, сопряженных с добычей полезных ископаемых и рыболовством.

В то же время в подавляющем большинстве субъектов округа среднедушевые доходы населения ниже среднестрановых. Особенно заметен разрыв от общероссийского показателя в Псковской, Новгородской, Калининградской, Вологодской и Ленинградской областях.

По итогам 2023 г. реальные денежные доходы жителей СЗФО увеличились (+4,2 %) в сравнении с предыдущим годом (см. таблицу).

Динамика реальных денежных доходов населения СЗФО в 2021–2023 гг., % к предыдущему году
Dynamics of real monetary income of the NWFD population in 2021–2023, YoY

Территория	2021	2022	2023	Ранг* 2023
Российская Федерация	103,9	99,4	104,6	–
Северо-Западный ФО	105,8	98,7	104,2	8
Новгородская область	103,4	100,8	106,5	34
Псковская область	103,4	95,4	106,2	42
Ленинградская область	105,4	99,8	105,7	52
Калининградская область	101,4	95,1	104,6	64
Санкт-Петербург	109,8	100,6	104,6	64
Республика Карелия	99,9	96,8	104,2	70
Республика Коми	99,5	95,1	102,7	79
Ненецкий АО	99,6	99,4	102,5	80
Вологодская область	99,4	95,8	102,4	81
Архангельская область	100,1	95,1	102,3	82
Мурманская область	102,7	96,8	102,2	84

Примечание. Составлено по данным Росстата. *Ранг региона и федерального округа по динамике показателя в 2023 г. среди 85 субъектов Федерации (без учета Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей) и 8 федеральных округов.

Однако динамика их роста в округе была самой слабой в стране. Среди его регионов существенный прирост показателя зафиксирован только в Новгородской, Псковской и Ленинградской областях (увеличение на 6,5, 6,2 и 5,7 % соответственно), что выше среднестранового уровня. Самый слабый прирост реальных денежных доходов населения отмечен в Республике Коми, Ненецком автономном округе, Вологодской, Архангельской и Мурманской областях, занимающих последние строчки в рейтинге регионов страны по этому показателю.

Таким образом, актуализируется вопрос о поиске путей повышения вклада конечного потребления домохозяйств в экономику большинства субъектов Северо-Запада. Расширение его объема, на наш взгляд, возможно по нескольким направлениям.

Во-первых, исходя из теории общественного воспроизводства гипотетически повысить уровень потребления жителей отдельных субъектов округа возможно путем активизации распределительной бюджетно-налоговой политики. Так, по итогам 2023 г. в силу значительной ориентации на рынки недружественных стран СЗФО стал одним из экономически пострадавших макрорегионов страны (рис. 4). Долгие годы его экономика была во многом направлена на внешнеторговое взаимодействие с западными странами, и в текущих экономических условиях ряд ключевых предприятий округа были вынуждены перестраивать производственно-логистические цепочки, а также искать новые рынки сбыта готовой продукции.

Рис. 4. Прирост выпуска товаров и услуг по базовым видам экономической деятельности¹ по федеральным округам в 2023 г., % к предыдущему году²

Fig. 4. Increase in the output of goods and services by basic types of economic activity in the RF federal districts in 2023, YoY

Спад объемов выпуска товаров и услуг по базовым видам экономической деятельности в 2023 г. на Северо-Западе составил 0,5 %. В региональном разрезе среди субъектов СЗФО уязвимее прочих оказались

¹ В состав базовых видов экономической деятельности входят: растениеводство, животноводство, охота и предоставление услуг в этих областях; добыча полезных ископаемых; обрабатывающие производства; обеспечение электрической энергией, газом и паром, кондиционирование воздуха; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений; строительство; торговля оптовая, кроме торговли автотранспортными средствами и мотоциклами; торговля розничная, кроме торговли автотранспортными средствами и мотоциклами; деятельность пассажирского и грузового транспорта.

² Рассчитано по данным Росстата.

экономики г. Санкт-Петербурга, Республики Коми, Ненецкого АО и Мурманской области.

Исходя из изложенного на конкретном историческом этапе финансовая поддержка субъектов СЗФО федеральным центром выглядит оправданной. По сути, текущая экономическая ситуация в округе, оставшемся без рынков сбыта, схожа с положением Дальневосточного федерального округа, получающего дотации федерального центра. При этом важно понимать, что увеличение уровня потребления домохозяйств за счет развития внутреннего рынка требует скоординированной инвестиционной, структурной, технологической политики, включающей перестройку логистических каналов сбыта продукции. В то же время устранение имеющихся структурных и инфраструктурных ограничений в экономике макрорегиона видится небыстрым процессом, в связи с чем необходимо рассмотреть дополнительные пути повышения роста потребления населения.

Во-вторых, рост потребления могут быть основан на увеличении доходов населения. Источником роста доходов могут выступать увеличение оплаты труда в бюджетной сфере, предпринимательском секторе, повышение размера пенсий, социальных пособий, субсидирования трат отдельных категорий населения на товары и услуги. Так, в Калининградской области с 2020 г. из-за негативного влияния пандемии коронавируса на уровень доходов граждан были введены продуктовые карты. В настоящее время в течение трех месяцев многодетные семьи, малообеспеченные пенсионеры и семьи, воспитывающие ребенка-инвалида, за счет средств регионального бюджета получают субсидию на карту «Мир» для оплаты продуктов¹. В Камчатском крае для неработающих пенсионеров, доходы которых не достигают величины прожиточного минимума, действует карта лояльности. По ней на сумму 3 тыс. р. в месяц можно приобрести продуктовые товары местных производителей по выбору в одной из торговых сетей².

Помимо названных направлений рост благосостояния населения может быть поддержан увеличением производительности труда, в том числе «путем стимулирования внедрения социальных инноваций, передовых управленческих и производственных технологий, улучшения условий труда на предприятиях, проведения политики по предупреждению эмиграции квалифицированных кадров, сокращению болезней и ранней смертности»³.

¹ Продуктовые карточки в Калининградской области в 2022 г. <https://gogov.ru/news/886607>.

² Карту жителя Камчатки с 20 апреля смогут получить неработающие пенсионеры, получающие региональную доплату к пенсии. <https://www.kamgov.ru/news/kartu-zitela-kamcatki-s-20-aprela-smogut-polucit-nerabotausie-pensionery-polucausiedoplatsu-k-pensiam-50531>.

³ Структурная трансформация региональной экономики. (2020). Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН.

Отдельно можно выделить создание высокопроизводительных производств, в частности, при финансовой поддержке государства (предоставление субсидий, налоговых льгот, доступных кредитов и т. д.). Для этого необходим поиск свободных рыночных ниш, в том числе тех, что были заняты иностранными производителями, путем использования таких инструментов, как «форсайт, технологическое сканирование, конкурентная разведка, картирование технологического ландшафта, исследование актуальной научной литературы по перспективным продуктовым нишам и систем учета НИОКР, сканирование глобальных технологических трендов» [Лукин, 2022]. Особенно важно осуществлять такой поиск с учетом потенциального встраивания в звенья производственно-сбытовых цепочек, что увеличит валовую добавленную стоимость продукции. В работах исследователей определено, что «Северо-Запад не в полной мере задействует потенциал внутренней кооперации, являясь в большей степени массивом разнонаправленно ориентированных рыночных зон, представленных ядром в виде Санкт-Петербурга и рядом цепочек создания стоимости, зачастую экспортоориентированных» [Сидоров, 2022]. Согласно расчетам примером такой ниши для Вологодской области могут стать формирование лесозаготовительного машиностроения и встраивание его в существующую цепочку создания стоимости лесопромышленной продукции [Румянцев, 2023]. Еще один пример перспективной ниши – проект по производству йода в Архангельской области, в которой расположено его месторождение (одно из трех в стране) и имеются возможности для освоения⁴. Российская экономика остро нуждается в его производстве, поскольку внутренние потребности ранее практически полностью закрывались привозным сырьем. По оценкам объем добычи сырья оценивается примерно в 100 т в год, что покрыло бы потребности в йоде всего Северо-Запада РФ⁵.

В-третьих, перспективным направлением увеличения потребления населения может стать структурная политика, направленная на изменение пропорций между сбережением доходов населения и потреблением. Как видно из рис. 5, за последние годы в российской экономике был накоплен значительный объем сбережений, который не трансформируется ни в валовое накопление основного капитала, ни в конечное потребление. По словам главы ЦБ РФ Э. Набиуллиной, в определенный момент он может стать драйвером потребления⁶.

⁴ Архангельские власти реанимировали проект по производству йода в регионе. https://www.dp.ru/a/2022/04/04/Arhangel'skie_vlasti_rean.

⁵ Там же.

⁶ Доклад о денежно-кредитной политике. http://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/42214/2022_03_ddcp.pdf.

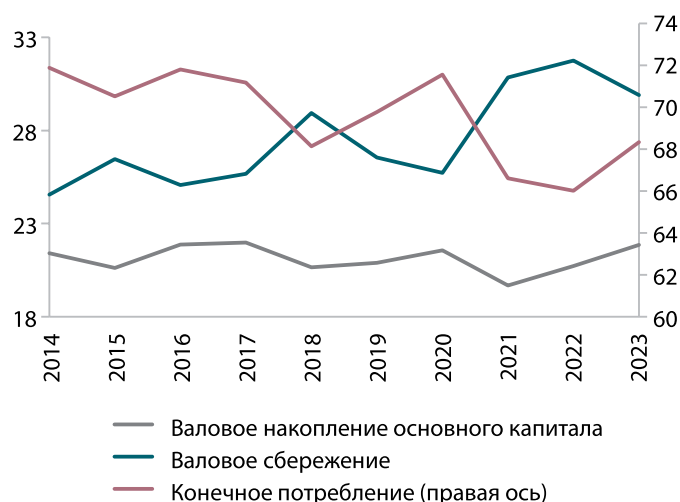

Рис. 5. Динамика валового накопления основного капитала, валового сбережения и конечного потребления в экономике РФ за 2014–2022 гг., % к ВВП¹

Fig. 5. Dynamics of gross fixed capital formation, gross savings and final consumption in the RF economy in 2014–2022, % of GDP

Для одного из субъектов СЗФО – Вологодской области – также характерен высокий уровень нормы сбережения в экономике: по итогам 2022 г. он составил 45 % валового регионального продукта (рис. 6).

Это свидетельствует о высоком сберегательном потенциале региона и имеющемся отложенном спросе населения. Есть существенный пробел в развитии механизмов, побуждающих население направлять свои сбережения в инвестиции, что связано с неблагоприятной экономической конъюнктурой. При их направлении на текущее потребление образующиеся расходы увеличат прибыль организаций, занятых в потребительском секторе (на которые приходится значительная часть выпуска товаров и услуг), а также обеспечат рост ресурсов для инвестиций². Данный

¹ Рассчитано по данным Росстата.

² Структурная трансформация региональной экономики. (2020). Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН.

процесс должен быть поддержан созданием новых мощностей по выпуску российской продукции на внутреннем рынке, что крайне важно в контексте обеспечения экономической безопасности страны. Поскольку в структуре потребления домохозяйств доля расходов на продовольствие в течение многих лет остается крайне высокой (порядка 30 %) [Широв, Потапенко, 2020], то примером такого производства может стать выпуск рыбной продукции. Так, в Вологодской области было создано первое в регионе предприятие по выращиванию мальков форели, потребности в которой ранее удовлетворялись в основном за счет зарубежных поставщиков³. Сейчас в условиях дефицита такой продукции из-за действия западных санкций спрос на нее уже оказался востребованным со стороны как местных предприятий, занимающихся выращиванием товарной форели, так и соседних регионов – Ленинградской области и Республики Карелии. Предприятие применяет технологию УЗВ (установка замкнутого водоснабжения), используя воду из артезианской скважины. Ее преимуществом является то, что размещение завода возможно в непосредственной близости к рынку сбыта продукции. К тому же минимизируется возможность заражения рыбы внешними паразитами. Следует сказать, что в Вологодской области благодаря действию государственной программы поддержки развития рыбоводства, включающей предоставление субсидий организациям аквакультуры, их число выросло с одного предприятия в 2014 г. до 15 – в 2021 г. В 2024 г. в регионе планируется к запуску крупнейший в стране лососевый рыбноводный завод, рассчитанный на производство 2,5 тыс. т товарного атлантического лосося⁴.

³ Первое предприятие по выращиванию мальков форели создано на Вологодчине. <https://agro.gov35.ru/vedomstvennaya-informatsiya/novosti/260/91694/>.

⁴ Рыбный промысел в Северо-Западном федеральном округе наращивает обороты. http://fishportal.ru/index/index_26160.html.

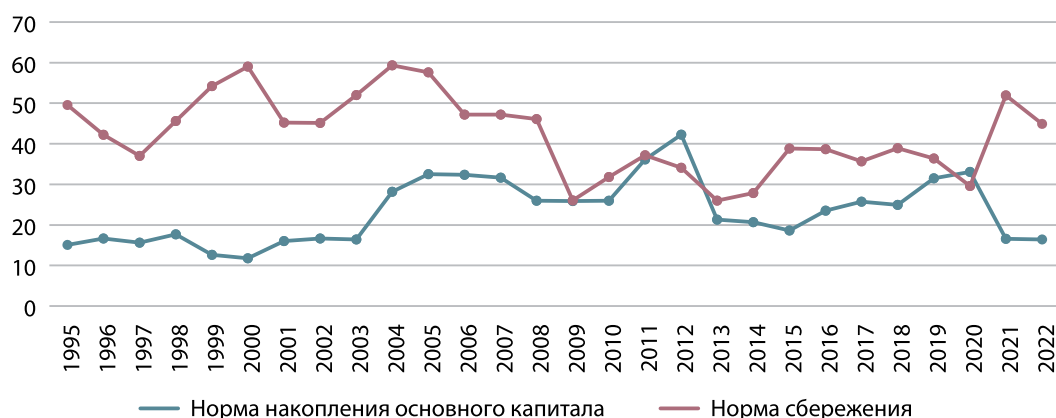

Рис. 6. Динамика нормы сбережения и нормы накопления основного капитала Вологодской области, % к ВРП¹

Fig. 6. Dynamics of the savings rate and the fixed capital formation rate in Vologda oblast, % of GRP

¹ Составлено на основе данных Вологдастата.

Программа поддержки развития аквакультуры путем предоставления предпринимателям субсидий и грантов появилась в 2022 г. в Калининградской области. В результате за девять месяцев 2022 г. благодаря финансовой поддержке государства рыболовные хозяйства области произвели 106 т товарной рыбы, что в два раза больше, чем годом ранее¹.

Стоит отметить, что в России есть потенциал для наращивания мощностей производства рыбопосадочного материала лососевых рыб. По мнению экспертов, на Северо-Западе к числу регионов, обладающих значительным потенциалом для расширения объемов выпуска этой продукции, относится Мурманская область, в которой сконцентрированы значительные водные ресурсы для производства аквакультуры, в частности форели². В Республике Карелии планируется строительство селекционно-племенного центра рыболовства для производства икры радужной форели.

Также имеется острая потребность в создании заводов по производству кормов для рыб, поскольку до начала действия экономических санкций в 2022 г. только 5 % от всего объема рыбных кормов производилось внутри страны³. Решая эти задачи, на территории макрорегиона можно выстраивать цепочки, включающие весь производственный цикл: промысел, выпуск кормов, рыболоводство и сбыт.

Выход на самообеспечение рыбными кормами находится в фокусе внимания органов власти. К 2030 г. планируется полностью закрыть потребности в них рыболовства, для чего на эти цели будет выделено федеральное финансирование, в рамках которого будет компенсировано 20 % затрат на строительство перерабатывающих заводов, а также решен вопрос с обеспечением промышленности передовыми рецептурами силами Росрыболовства и научных организаций РАН⁴.

Стоит отметить, что резервы потребления населением рыбной продукции весьма велики. В целом отношение к ней россиян весьма положительное: согласно опросам ВЦИОМ, 76 % считают рыбу и рыбопродукты полезными продуктами, необходимыми для здорового питания⁵. В то же время только треть опрошенных

питаются ими каждую неделю, а половина респондентов хотела бы употреблять рыбные блюда чаще. Для молодежи характерен устойчивый потребительский тренд, проявляющийся в отсутствии культуры потребления рыбы: 38 % молодых людей в возрасте от 18 до 24 лет не употребляют рыбу в пищу, так как она им не нравится⁶. Эксперты объясняют это неохотой молодежи «иметь дело с рыбой в виде тушки, чистить ее, разделывать и готовить»⁷. Таким образом, актуальной становится задача по популяризации потребления этой продукции с помощью широкой информационной кампании среди населения с использованием маркетинговых инструментов продвижения, том числе социальной рекламы, по примеру таких стран, как Норвегия.

На Северо-Западе отмечен дефицит в потреблении рыбы среди семей с детьми. Так, в Вологодской области в 2021 г. при норме потребления, рекомендуемой Минздравом РФ, в 22 кг в год на человека⁸ домохозяйствами, имеющими одного ребенка, было потреблено 18 кг рыбы, двух детей – 13 кг.

Как показала практика, другим востребованным для внутреннего и экспортного рынков может стать такой вид продукции (ранее казавшийся экзотичным), как кипрей узколистный, более известный как иван-чай. Так, в г. Череповце расположено крупнейшее в стране предприятие, которое ежегодно производит порядка 200 тыс. т продукции, имея около 30 тыс. точек сбыта в России и за рубежом.

Таким образом, у северо-западных регионов есть существенный потенциал для наращивания объемов производства востребованной на внутреннем рынке продукции, реализации которой будет способствовать государственная поддержка производителей как на федеральном, так и на региональном уровне при активном привлечении научно-исследовательских институтов. Так, курс недавно избранного президента Российской академии наук направлен на интеграцию науки и бизнес-структур. В частности, планируется создание консорциумов для запуска технологических цепочек полного цикла⁹.

Эффективной мерой содействия местным производителям в рамках сбыта качественной продукции является государственная поддержка по созданию овоще- и плодохранилищ. Так, на Северо-Западе большие перспективы развития имеет промышленное садовод-

¹ В регионе растет производство аквакультуры. <https://gov39.ru/press/322825/>.

² Прибыльный лосось. Аквакультура может стать основным драйвером развития рыбной отрасли страны. <https://www.agroinvestor.ru/analytics/article/37498-pribylnyy-losos-akvakultura-mozhet-stat-osnovnym-drayverom-razvitiya-rybnoy-otrasli-strany/>.

³ Там же.

⁴ Патрушев: «К 2030 году планируем полностью закрыть потребности рыболовства отечественными кормами». https://www.korabel.ru/news/comments/patrushev_k_2030_godu_planiruem_polnostyu_zakryt_potrebosti_rybovodov_otchestvennymi_kormami.html.

⁵ Потребление рыбы в России: кто на крючке? <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/potreblenie-ryby-v-rossii-kto-na-kryuchke>.

⁶ «Рыбный день» для молодых россиян. <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rybnyj-den-dlya-molodykh-rossiyan>.

⁷ Мечтают ли россияне о рыбном дне. <https://fishnews.ru/rubric/pererabotka-rybyi/12566>.

⁸ Об утверждении рекомендаций по рациональным нормам потребления пищевых продуктов, отвечающих современным требованиям здорового питания. <https://docs.cntd.ru/document/420374878>.

⁹ Президент РАН эпохи мобилизации. <https://expert.ru/expert/2022/39/prezident-ran-epokhi-mobilizatsii/>.

ство. В Калининградской области с 2013 г. действуют региональные субсидии на закладку плодохранилищ, что вкупе с федеральными программами поддержки позволило стать ей лидером по этому направлению в макрорегионе. Возрождать данное направление планируется в Ленинградской области. Благодаря поддержке региональной властью инвестиционных проектов прогнозируется, что общий сбор плодов и ягод в 2025 г. в 18 раз превысит показатель 2021 г.¹

Перспективным направлением активизации потребления в СЗФО выступает внутренний туризм, развитие которого в субъектах округа отличается большой неравномерностью. Например, в Вологодской области, обладающей высоким туристическим потенциалом, отмечен слабый уровень потребления туруслуг из-за недостатка привлекательного туристического предложения и объектов инфраструктуры [Леонидова, 2022]. Стоит ожидать роста уровня туристского потребления в тех регионах, которым удастся привлечь федеральное финансирование инвестиционных проектов в сфере гостеприимства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Дальнейшее развитие российской экономики будет осложняться высоким уровнем неопределенности, обусловленным острейшим геополитическим кризисом и введенными против России санкциями. Однако, как показали результаты исследования, у регионов страны имеется потенциал для запуска активных трансформационных процессов, которые позволят повысить качество экономического роста путем увеличения уровня потребления населения. Для Северо-Запада РФ весьма перспективным в текущих экономических условиях является создание условий для перевода накопленного объема сбережений в текущее потребление, то есть использование потенциала отложенного потребительского спроса населения. В работе показано, что реализация этого пути требует формирования новых производств, способных удовлетворить имеющиеся потребности. Не менее значимым видится проведение политики, направленной на рост благосостояния населения путем реализа-

¹ Ленобласть восстанавливает отрасль промышленного садоводства. https://spbvedomosti.ru/news/country_and_world/lenoblast-vosstanavlivaet-otrasl-promyshlennogo-sadovodstva/.

ции социальных программ по финансовой поддержке граждан, включая повышение уровня доходов наименее обеспеченных слоев населения, а также увеличения доступности механизмов потребительского кредитования домашних хозяйств, снижения их налоговой нагрузки. В этом контексте важна государственная поддержка высокопроизводительных предприятий, что возможно за счет интеграции органов власти, бизнеса и науки, в том числе, на основе совместной трансформации цепочек создания стоимости, выделения перспективных экономических специализаций.

В целом следует учесть, что структура экономики рассматриваемых регионов неоднородна. На объем потребления населением товаров и услуг в них влияет множество факторов, таких как стоимость транспортировки продуктов, состав домохозяйств, логистические издержки, потребительские предпочтения и т. п. В связи с этим для реализации региональными органами власти успешной политики по стимулированию потребления населения и внедрения вышеуказанных мероприятий следует:

- разработать адресные меры по поддержке спроса с учетом объема потребления отдельных категорий населения;
- оценить экономический эффект от внедрения различных инструментов по стимулированию потребления различных продовольственных продуктов и услуг (продуктовых карт, сертификатов, пособий и т. п.);
- определить объем недопотребления по конкретным группам товаров и услуг.

Используемый в работе подход, основанный на применении макроэкономического и макроструктурного анализа, позволяет всесторонне оценить протекающие экономические процессы, выявить ограничения и определить резервы стимулирования конечного потребления. Он универсален и может быть апробирован на примере любого региона.

Результаты исследования могут использоваться региональными органами власти при разработке управленческих решений, направленных на увеличение вклада домохозяйств в экономику, поскольку позволяют повысить качество информационной базы при определении резервов стимулирования конечного потребления населения. ■

Источники

- Абалкин Л.И. (1994). Экономическая безопасность России: угрозы и их отражение // Вопросы экономики. № 12. С. 4–16.
- Анимица П.Е. (2014). Влияние бюджетных трансфертов на конечное потребление домохозяйств региона (на примере субъектов Уральского федерального округа) // Ars Administrandi (Искусство управления). № 3. С. 40–50. <https://doi.org/10.17072/2218-9173>
- Аузан А.А. (2015). О возможности перехода к экономической стратегии, основанной на специфике человеческого капитала в России // Журнал Новой экономической ассоциации. № 2. С. 243–248.
- Боголюбова Н.П., Никитин М.В. (2019). Региональная специфика взаимосвязей потребления домашних хозяйств и экономического развития в современной России // Вестник Алтайской академии экономики и права. № 4. С. 19–29.

- Глазьев С.Ю. (2018). Потенциальные возможности роста российской экономики и денежно-кредитная политика Банка России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 11, № 5. С. 30–48. <https://doi.org/10.15838/esc.2018.5.59.2>
- Гранберг А.Г. (1999). Экономическое пространство России: трансформация на рубеже веков и альтернативы будущего // Общество и экономика. № 3–4. С. 225–244.
- Заславская Т.И. (2002). Социетальная трансформация российского общества: деятельностно-структурная концепция. Москва: Дело.
- Земскова Е.С., Колосков Д.А. (2017). Деформация структуры конечного потребления как препятствие экономического роста (на примере Республики Мордовии) // Наукоедение. Т. 9, № 6. <https://naukovedenie.ru/PDF/77EVN617.pdf>
- Кремлев Н. Д., Козлова А.А. (2019). Оценка ресурсообеспеченности и роли домохозяйств в экономике региона на основе методологии системы национальных счетов // Ars Administrandi (Искусство управления). Т. 11, № 4. С. 614–631. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2019-4-614-631>
- Кузнецов К.В. (2022). О мониторинге уровня потребления в Целях устойчивого развития // Статистика и экономика. Т. 19, № 1. С. 18–27. <https://doi.org/10.21686/2500-3925-2022-1-18-27>
- Куконков П.И., Устинкин С.В. (2022). Социальная поддержка населения – инструмент выравнивания диспропорций в регионах (на примере Приволжского федерального округа) // Обозреватель – Observer. № 3–4. С. 114–126. https://doi.org/10.48137/2074-2975_2022_3-4_114
- Леонидова Е.Г. (2022). Приоритеты и угрозы развития регионального туризма // Регионология. Т. 30, № 3. С. 624–646. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.120.030.202203.624-646>
- Леонидова Е.Г. (2020). Анализ динамики и структуры конечного потребления в регионе // Социальное пространство. Т. 6, № 3. <https://doi.org/10.15838/sa.2020.3.25.4>
- Лукин Е.В. (2022). Регулирование межрегиональных цепочек добавленной стоимости: проблемы анализа и моделирования // Проблемы прогнозирования. № 1(190). С. 19–33. <https://doi.org/10.47711/0868-6351-190-19-33>
- Лукин Е.В., Ускова Т.В. (2018). Проблемы структурной трансформации региональной экономики // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 11, № 6. С. 26–40. <https://doi.org/10.15838/esc.2018.6.60.2>
- Майер В.Ф. (1968). Доходы населения и рост благосостояния народа. Москва: Мысль.
- Рожковская Е.А. (2012). Конечное потребление и его влияние на темпы экономического роста в Республике Беларусь // Экономический бюллетень НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь. № 6. С. 35–49.
- Румянцев Н.М. (2023). Репозиционирование экономики региона в цепочках создания стоимости на основе поиска перспективных специализаций: кейс лесопромышленного комплекса Вологодской области // Проблемы развития территории. Т. 27, № 2. С. 10–22. <https://doi.org/10.15838/ptd.2023.2.124.2>
- Рутгайзер В.М. (1972). Региональные особенности общественного воспроизводства: территориальные аспекты взаимозаменяемости производственных ресурсов. Москва: Мысль.
- Сергиевский В.Н. (1968). Проблемы оптимального соотношения производства и потребления в СССР. Москва: Мысль.
- Сидоров М.А. (2022). Рынки сбыта продукции регионов Северо-Запада России: количественное измерение // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15, № 3. С. 91–112. <https://doi.org/10.15838/esc.2022.3.81.5>
- Третьякова О.Г., Рожкова Д.С. (2017). Анализ факторов, влияющих в Российской Федерации на уровень конечного потребления домашних хозяйств // Финансовая аналитика: проблемы и решения. Т. 10, № 5. С. 518–533. <https://doi.org/10.24891/fa-10.5518>
- Широв А.А., Потапенко В. В. (2020). Парадокс российского потребления // ЭКО. № 6. С. 8–25. <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2020-6-8-25>
- Akermi N., Ben Yedder N., Bakari S. (2023). *Impact of final consumption, domestic investment, exports, and imports on economic growth in Albania (MPRA Paper no. 118308)*.
- Ayres C.E., Chamberlain N.W., Dorfman J., Gordon R.A., Kuznets S. (1963). *Institutional economics: Veblen, commons, and Mitchell reconsidered*. Berkeley and Los Angeles: University of California Press.
- Badik A., Feckan M. (2021). Applying fractional calculus to analyze final consumption and gross investment influence on GDP. *Journal of Applied Mathematics, Statistics and Informatics*, vol. 17, issue 1, pp. 65–72. <https://doi.org/10.2478/jamsi-2021-0004>
- Bonsu C.O., Muzindutsi P.-F. (2017). Macroeconomic determinants of household consumption expenditure in Ghana: A multivariate cointegration approach. *International Journal of Economics and Financial Issues*, vol. 7, no. 4, pp. 737–745.
- Clark J.B. (1908). *The distribution of wealth: A theory of wages, interest and profits*. New York: The Macmillan Company.
- Duesenberry J.S. (1949). *Income, saving and the theory of consumer behavior*. Cambridge: Harvard University Press.
- Ganong P., Noel P. (2019). Consumer spending during unemployment: Positive and normative implications. *American Economic Review*, vol. 109, no. 7, pp. 2383–2424. <https://doi.org/10.1257/aer.20170537>
- Gohar R., Bagadeem S., Chang B.H., Zong M. (2022). Do the income and price changes affect consumption in the emerging 7 countries? Empirical evidence using quantile ARDL model. *Annals of Financial Economics*, vol. 17, no. 4. <https://doi.org/10.1142/S2010495222500245>
- Illahi N., Adry M.R., Triani M. (2018). Analysis of the determinants of household consumption expenditure in Indonesia. *Jurnal Ecogen / Journal Ecogen*, vol. 1, no. 3, pp. 549–556. <http://dx.doi.org/10.24036/jmpe.v1i3.5025>
- Keynes J.M. (1937). The general theory of employment. *The Quarterly Journal of Economics*, vol. 51, issue 2, pp. 209–223. <https://doi.org/10.2307/1882087>

- Marshall A. (1897). The old generation of economists and the new. *The Quarterly Journal of Economics*, vol. 11, issue 2, pp. 115–135. <https://doi.org/10.2307/1882124>
- Marshall A. (2013). *Principles of economics*. London: Palgrave Macmillan. <https://doi.org/10.1057/9781137375261>
- Martinez M.A., Camara A. (2022). How household consumption has changed after an economic crisis. *International Journal of Social Economics*, vol. 49, no. 8, pp. 1213–1231. <https://doi.org/10.1108/IJSE-08-2021-0509>
- Marx K. (1969). *Economic manuscripts 1857–1859*. Moscow: Politizdat Publ.
- Mishra B.R., Nancharaiiah G. (2016). Export or domestic demand-led growth in BRICS countries? *The Indian Economic Journal*, vol. 63, no. 4, pp. 725–749. <https://doi.org/10.1177/0019466220160410>
- Modigliani F. (1992). Saving in developing countries: Growth, income, and other factors. In: S. Ghon Rhee, R.P. Chang. (Eds.). *Pacific-basin capital markets research* (pp. 23–35). Amsterdam: North-Holland.
- North D.C. (1984). Government and the cost of exchange in history. *The Journal of Economic History*, vol. 44, issue 2, pp. 255–264. <https://doi.org/10.1017/S0022050700031855>
- North D.C. (1991). Institutions, transaction costs, and the rise of merchant empires. In: J.D. Tracy. (Ed.). *The political economy of merchant empires: State power and world trade, 1350–1750* (pp. 22–40). Cambridge: Cambridge University Press.
- Obinna O. (2020). Effect of inflation on household final consumption expenditure in Nigeria. *Journal of Economics and Development Studies*, vol. 8, no. 1, pp. 104–111. <https://doi.org/10.15640/jeds.v8n1a8>
- Saglam Y., Egeli H.A. (2018). A comparison of domestic demand and export-led growth strategies for European transition economies: Dynamic panel data analysis. *Foreign Trade Review*, vol. 53, no. 3, pp. 156–173. <https://doi.org/10.1177/0015732517734755>
- Smith A. (2009). *An inquiry into the nature and causes of the wealth of nations*. E-Kitap Projesi & Cheapest Books.
- Streissler E.W. (1990). Menger, Böhm-Bawerk, and Wieser: The origins of the Austrian School. In: K. Hennings, W.J. Samuels. (Eds.). *Neoclassical Economic Theory, 1870 to 1930* (pp. 151–200). Dordrecht: Springer. https://doi.org/10.1007/978-94-009-2181-8_5
- Sugiarto S., Wibowo W. (2020). Determinants of regional household final consumption expenditure in Indonesia. *JEJAK: Jurnal Ekonomi dan Kebijakan / Journal of Economics and Policy*, vol. 13, no. 2, pp. 332–344. <https://doi.org/10.15294/jejak.v13i2.25736>
- Swamy V. (2022). Financial wealth effects and consumption expenditure. *International Journal of Finance & Economics*, vol. 27, issue 2, pp. 1933–1946. <https://doi.org/10.1002/ijfe.2251>
- Wei Q., Wang C., Yao C., Shi F., Cao H., Wang D., ... Tan X. (2022). Research on the spatial spillover effect of provincial final consumption level in China based on the complex network. *Sustainability*, vol. 14, no. 2, 648. <https://doi.org/10.3390/su14020648>
- Yeah K.L. (2017). Domestic demand-driven growth: Analytical perspectives and statistics needed. *Advances in Economics and Business*, vol. 5, no. 3, pp. 109–128. <https://doi.org/10.13189/aeb.2017.050301>
- Zhongzheng J. (2019). The economic growth prospects of emerging economies. *Analiz i prognoz. Zhurnal IMEMO RAN / Analysis and Forecasting. IMEMO Journal*, no. 1, pp. 18–32. <https://doi.org/10.20542/afj-2019-1-18-32>

References

- Abalkin L.I. (1994). Economic security of Russia: Threats and their reflection. *Voprosy ekonomiki / Issues of Economics*, no. 12, pp. 4–16. (in Russ.)
- Animitsa P.E. (2014). Influence of budget transfers on final consumption of households (in the context of the Ural federal district). *Ars Administrandi*, no. 3, pp. 40–50. <https://doi.org/10.17072/2218-9173>. (in Russ.)
- Auzan A.A. (2015). On the possibility of transition to an economic strategy based on the specifics of human capital in Russia. *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii / Journal of the New Economic Association*, no. 2, pp. 243–248. (in Russ.)
- Bogolyubova N.P., Nikitin M.V. (2019). Regional specificity of the relationships of household consumption and economic development in modern Russia. *Vestnik Altayskoy akademii ekonomiki i prava / Bulletin of Altai Academy of Economics and Law*, no. 4, pp. 19–29. (in Russ.)
- Glazyev S.Yu. (2018). Potential opportunities for the growth of the Russian economy and the monetary policy of the bank of Russia. *Ekonomicheskie i sotsialnye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz / Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, vol. 11, issue 5, pp. 30–48. <https://doi.org/10.15838/esc.2018.5.59.2>. (in Russ.)
- Granberg A.G. (1999). Russia's economic space: Transformation at the turn of the century and alternatives for the future. *Obshchestvo i ekonomika / Society and Economics*, no. 3–4, pp. 225–244. (in Russ.)
- Zaslavskaya T.I. (2002). *Societal transformation of Russian society: Activity and structural conception*. Moscow: Delo Publ. (in Russ.)
- Zemskova E.S., Koloskov D.A. (2017). Deformation of the structure of final consumption as an obstacle to economic growth (on the example of the Republic of Mordovia). *Naukovedenie / Science Studies*, vol. 9, no. 6. (in Russ.)
- Kremlev N.D., Kozlova O.A. (2019). Assessment of resource provision and the role of households in the region economy based on the methodology of the system of national accounts. *Ars Administrandi*, vol. 11, no. 4, pp. 614–631. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2019-4-614-63>. (in Russ.)
- Kuznetsov K.V. (2022). Monitoring of the consumption level for sustainable development goals. *Statistika i ekonomika / Statistics and Economics*, vol. 19, no. 1, pp. 18–27. <https://doi.org/10.21686/2500-3925-2022-1-18-27>. (in Russ.)
- Kukonkov P.I., Ustinkin S.V. (2022). Social support for the population – A tool for levelling regional disparities (on the example of the Volga federal district). *Obozrevatel / Observer*, no. 3–4, pp. 114–126. https://doi.org/10.48137/2074-2975_2022_3-4_114. (in Russ.)

- Leonidova E.G. (2022). Priorities and threats for the development of regional tourism. *Regionologiya / Russian Journal of Regional Studies*, vol. 30, no. 3, pp. 624–646. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.120.030.202203.624-646>. (in Russ.)
- Leonidova E.G. (2020). Analysis of the dynamics and structure of final consumption in the region. *Sotsialnoe prostranstvo / Social Area*, vol. 6, issue 3. <https://doi.org/10.15838/sa.2020.3.25.4>. (in Russ.)
- Lukin E.V. (2022). Regulation of interregional value chains: Problems of analysis and modeling. *Problemy prognozirovaniya / Studies on Russian Economic Development*, no. 1 (190), pp. 19–33. <https://doi.org/10.47711/0868-6351-190-19-33>. (in Russ.)
- Lukin E.V., Uskova T.V. (2018). Structural transformation issues in regional economy. *Ekonomicheskie i sotsialnye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz / Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, vol. 11, issue 6, pp. 26–40. <https://doi.org/10.15838/esc.2018.6.60.2>. (in Russ.)
- Mayer V.F. (1968). *Income of the population and growth of people's welfare*. Moscow: Mysl Publ. (in Russ.)
- Rozhkovskaya E.A. (2012). Final consumption and its impact on economic growth rate in Republic of Belarus. *Ekonomicheskii byulleten NIEI Ministerstva ekonomiki Respubliki Belarus = Economic Bulletin of the Economy Research Institute of the Ministry of Economy of the Republic of Belarus*, no. 6, pp. 35–49. (in Russ.)
- Rumyantsev N.M. (2023). Repositioning of the regional economy in value chains based on the search for promising specializations: The case of the timber industry complex of the Vologda oblast. *Problemy razvitiya territorii / Problems of Territory's Development*, vol. 27, issue 2, pp. 10–22. <https://doi.org/10.15838/ptd.2023.2.124.2>. (in Russ.)
- Rutgayzer V.M. (1972). *Regional features of social reproduction: Territorial aspects of the interchangeability of production resources*. Moscow: Mysl Publ. (in Russ.)
- Sergieviskiy V.N. (1968). Problems of the optimal ratio of production and consumption in the USSR. Moscow: Mysl Publ. (in Russ.)
- Sidorov M.A. (2022). Sales markets for the goods of the regions of the northwest of Russia: Quantitative assessment. *Ekonomicheskie i sotsialnye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz / Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, vol. 15, issue 3, pp. 91–112. <https://doi.org/10.15838/esc.2022.3.81.5>. (in Russ.)
- Tretyakova O.G., Rozhkova D.S. (2017). Analyzing factors that influence the households' level of ultimate consumption in the Russian Federation. *Finansovaya analitika: problemy i resheniya / Financial Analytics: Science and Experience*, vol. 10, issue 5, pp. 518–533. (in Russ.)
- Shirov A.A., Potapenko V.V. (2020). The Russian consumption paradox. *EKO / ECO*, no. 6, pp. 8–25. <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2020-6-8-25>. (in Russ.)
- Akermi N., Ben Yedder N., Bakari S. (2023). *Impact of final consumption, domestic investment, exports, and imports on economic growth in Albania (MPRA Paper no. 118308)*.
- Ayres C.E., Chamberlain N.W., Dorfman J., Gordon R.A., Kuznets S. (1963). *Institutional economics: Veblen, commons, and Mitchell reconsidered*. Berkeley and Los Angeles: University of California Press.
- Badik A., Feckan M. (2021). Applying fractional calculus to analyze final consumption and gross investment influence on GDP. *Journal of Applied Mathematics, Statistics and Informatics*, vol. 17, issue 1, pp. 65–72. <https://doi.org/10.2478/jamsi-2021-0004>
- Bonsu C.O., Muzindutsi P.-F. (2017). Macroeconomic determinants of household consumption expenditure in Ghana: A multivariate cointegration approach. *International Journal of Economics and Financial Issues*, vol. 7, no. 4, pp. 737–745.
- Clark J.B. (1908). *The distribution of wealth: A theory of wages, interest and profits*. New York: The Macmillan Company.
- Duesenberry J.S. (1949). *Income, saving and the theory of consumer behavior*. Cambridge: Harvard University Press.
- Ganong P., Noel P. (2019). Consumer spending during unemployment: Positive and normative implications. *American Economic Review*, vol. 109, no. 7, pp. 2383–2424. <https://doi.org/10.1257/aer.20170537>
- Gohar R., Bagadeem S., Chang B.H., Zong M. (2022). Do the income and price changes affect consumption in the emerging 7 countries? Empirical evidence using quantile ARDL model. *Annals of Financial Economics*, vol. 17, no. 4. <https://doi.org/10.1142/S2010495222500245>
- Illahi N., Adry M.R., Triani M. (2018). Analysis of the determinants of household consumption expenditure in Indonesia. *Jurnal Ecogen / Journal Ecogen*, vol. 1, no. 3, pp. 549–556. <http://dx.doi.org/10.24036/jmpe.v1i3.5025>
- Keynes J.M. (1937). The general theory of employment. *The Quarterly Journal of Economics*, vol. 51, issue 2, pp. 209–223. <https://doi.org/10.2307/1882087>
- Marshall A. (1897). The old generation of economists and the new. *The Quarterly Journal of Economics*, vol. 11, issue 2, pp. 115–135. <https://doi.org/10.2307/1882124>
- Marshall A. (2013). *Principles of economics*. London: Palgrave Macmillan. <https://doi.org/10.1057/9781137375261>
- Martinez M.A., Camara A. (2022). How household consumption has changed after an economic crisis. *International Journal of Social Economics*, vol. 49, no. 8, pp. 1213–1231. <https://doi.org/10.1108/IJSE-08-2021-0509>
- Marx K. (1969). *Economic manuscripts 1857–1859*. Moscow: Politizdat Publ.
- Mishra B.R., Nancharaiiah G. (2016). Export or domestic demand-led growth in BRICS countries? *The Indian Economic Journal*, vol. 63, no. 4, pp. 725–749. <https://doi.org/10.1177/0019466220160410>
- Modigliani F. (1992). Saving in developing countries: Growth, income, and other factors. In: S. Ghon Rhee, R.P. Chang. (Eds.). *Pacific-basin capital markets research* (pp. 23–35). Amsterdam: North-Holland.
- North D.C. (1984). Government and the cost of exchange in history. *The Journal of Economic History*, vol. 44, issue 2, pp. 255–264. <https://doi.org/10.1017/S0022050700031855>
- North D.C. (1991). Institutions, transaction costs, and the rise of merchant empires. In: J.D. Tracy. (Ed.). *The political economy of merchant empires: State power and world trade, 1350–1750* (pp. 22–40). Cambridge: Cambridge University Press.

- Obinna O. (2020). Effect of inflation on household final consumption expenditure in Nigeria. *Journal of Economics and Development Studies*, vol. 8, no. 1, pp. 104–111. <https://doi.org/10.15640/jeds.v8n1a8>
- Saglam Y., Egeli H.A. (2018). A comparison of domestic demand and export-led growth strategies for European transition economies: Dynamic panel data analysis. *Foreign Trade Review*, vol. 53, no. 3, pp. 156–173. <https://doi.org/10.1177/0015732517734755>
- Smith A. (2009). *An inquiry into the nature and causes of the wealth of nations*. E-Kitap Projesi & Cheapest Books.
- Streissler E.W. (1990). Menger, Böhm-Bawerk, and Wieser: The origins of the Austrian School. In: K. Hennings, W.J. Samuels. (Eds.). *Neoclassical Economic Theory, 1870 to 1930* (pp. 151–200). Dordrecht: Springer. https://doi.org/10.1007/978-94-009-2181-8_5
- Sugiarto S., Wibowo W. (2020). Determinants of regional household final consumption expenditure in Indonesia. *JEJAK: Jurnal Ekonomi dan Kebijakan / Journal of Economics and Policy*, vol. 13, no. 2, pp. 332–344. <https://doi.org/10.15294/jejak.v13i2.25736>
- Swamy V. (2022). Financial wealth effects and consumption expenditure. *International Journal of Finance & Economics*, vol. 27, issue 2, pp. 1933–1946. <https://doi.org/10.1002/ijfe.2251>
- Wei Q., Wang C., Yao C., Shi F., Cao H., Wang D., ... Tan X. (2022). Research on the spatial spillover effect of provincial final consumption level in China based on the complex network. *Sustainability*, vol. 14, no. 2, 648. <https://doi.org/10.3390/su14020648>
- Yeah K.L. (2017). Domestic demand-driven growth: Analytical perspectives and statistics needed. *Advances in Economics and Business*, vol. 5, no. 3, pp. 109–128. <https://doi.org/10.13189/aeb.2017.050301>
- Zhongzheng J. (2019). The economic growth prospects of emerging economies. *Analiz i prognoz. Zhurnal IMEMO RAN / Analysis and Forecasting. IMEMO Journal*, no. 1, pp. 18–32. <https://doi.org/10.20542/afj-2019-1-18-32>

Информация об авторе**Леонидова Екатерина Георгиевна**

Кандидат экономических наук, заведующий лабораторией отраслевых исследований, старший научный сотрудник отдела проблем социально-экономического развития и управления в территориальных системах. **Вологодский научный центр Российской академии наук**, г. Вологда, РФ. E-mail: eg_leonidova@mail.ru

Information about the author**Ekaterina G. Leonidova**

Cand. Sc. (Econ.), Head of the Laboratory for Sectoral Studies, Senior Researcher of Problems of Socio-Economic Development and Management in Territorial Systems Dept. **Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences**, Vologda, Russia. E-mail: eg_leonidova@mail.ru